

Сколько Янь Тинъюй простоял там и сколько успел услышать — бог весть. Вообще Юй Фань не отличался скрытностью, но когда посторонний невольно заглядывал в чужие семейные тайны, это всё равно заставляло чувствовать себя не в своей тарелке.

Набрав в грудь побольше воздуха, Юй Фань поспешил перехватить инициативу и пойти в атаку:

— Ты...

— Почему ты тогда бросил школу? — негромко спросил Янь Тинъюй. Его голос звучал бесстрастно, но в этой ровной интонации сквозило такое напряжение, что сразу становилось ясно: для него этот вопрос был по-настоящему важен.

Юй Фань растерялся:

— Что?

"Погодите-ка, темп разговора явно сбился, — подумал он. — По логике вещей, это я должен был устроить ему допрос с пристрастием за подслушивание!"

— Ты только что спросил у матери... — тихо произнёс Янь Тинъюй.

Юй Фань сделал пару быстрых шагов, подошёл вплотную и укоризненно ткнул пальцем в сторону Янь Тинъюя:

— Послушай, подслушивать чужие разговоры с таким невозмутимым видом — это верх наглости! Я официально выражаю тебе свой решительный протест.

Он явно утрировал и разыгрывал сцену, поскольку зла на самом деле не держал. В общении с Янь Тинъюем он почему-то всегда позволял себе быть проще и свободнее.

Но Янь Тинъюй вдруг поднял руку и мягко, но крепко перехватил его указательный палец.

— Я хочу знать, — повторил он.

Юй Фань замер: его указательный палец накрыла чужая ладонь — сухая и тёплая. Их тепло смешалось, стёрлись границы, и уже невозможно было разобрать, где чья температура.

Застигнутый врасплох, он даже забыл высвободить руку и лишь удивлённо вскинул голову.

Взгляд Янь Тинъюя потемнел; он смотрел пристально, сосредоточенно, не отрывая глаз ни на миг.

У Юй Фаня дрогнули ресницы. Смутившись, он опустил взгляд на их сцепленные пальцы и буркнул:

— Да ничего особенного. Родители отказались платить, вот я и бросил учёбу.

Он произнёс это так легко, будто речь шла о какой-то суетной мелочи.

Янь Тинъюй нахмурился:

— Отказались?

Юй Фань попытался высвободить ладонь, но хватка Янь Тинъюя оказалась слишком крепкой. Поняв, что вырваться не получится, он недовольно поморщился и пояснил:

— Если совсем просто: у них кончились деньги. Да и посуди сам — с моей успеваемостью, даже закончи я школу, с какой стати им было выкладывать миллионы за мою учёбу за границей?

Он никогда и ни с кем об этом не откровенничал. Если кто-то спрашивал, Юй Фань лишь отмахивался — сам считал свой уход из школы делом довольно постыдным.

Однако, судя по упрямому виду Янь Тинъюя, тот не отступился бы, пока не вытянул всю правду.

"Наверное, мой внезапный уход действительно застал его врасплох, — подумал Юй Фань. — Пусть Янь Тинъюй вечно ворчал, что я слишком шумный и надоедливый, но когда я в один миг просто исчез, ему, должно быть, тоже стало как-то пусто."

Совсем как самому Юй Фаню в те дни.

Наконец Янь Тинъюй разжал ладонь. Юй Фань торопливо отдёрнул руку и спрятал её глубоко в карман брюк, продолжая кончиками пальцев ощущать оставшееся тепло.

— Твоя семья тогда обанкротилась? — спросил Янь Тинъюй.

Подобное случалось нередко: сначала у родителей всё складывалось отлично, они отдавали ребёнка в элитную международную школу, чтобы облегчить ему будущее, но потом бизнес рушился, деньги таяли, и ученика приходилось забирать.

Юй Фань с подозрением прищурился, разглядывая собеседника:

— С чего вдруг такой интерес к моим семейным делам?

Янь Тинъюй на мгновение задумался, а затем ответил:

— Тогда по школе ходили слухи, будто ты мешал мне учиться, и мои родители якобы ходили к директору с требованием...

Юй Фань вытаращил глаза:

— Что за бред?! С ума сойти, какая чушь. Если бы твои предки выжили меня из школы, стал бы я после этого подписывать контракт с клубом твоего отца?

Он в раздражении взъерошил свои золотистые кудряшки. Надо же, даже после его ухода за ним тянулся шлейф сплетен.

"Янь Тинъюй ведь тоже досталось ни за что — пальцем не шевельнул, а его сделали виноватым."

Юй Фань поспешил сменить тему и отмахнулся:

— Да ладно, всё куда прозаичнее. Мои предки развелись и завели новые семьи, у каждого теперь свои заботы и обязательства. К тому же я никогда не питал страсти к учёбе — зачем было тянуть из них миллионы и мозолить глаза их новым супругам?

Ему претило ворошить это прошлое. Обычная скучная история, рассказывать которую — только на жалость нарываться.

Он обрисовал ситуацию в общих чертах, хотя в действительности всё оказалось куда драматичнее.

Когда-то его родители жили душа в душу. Проблемы начались позже, когда мать осталась преподавать в университете, а отец уехал вести дела в другой город. Жизнь на два дома никого до добра не доводит.

Первым оступился Юй Гунвэй. Мать, Мэй Пин, поначалу закрывала глаза на его интрижки.

Но когда очередная пассия отца забеременела, терпение Мэй Пин лопнуло, и она подала на развод.

В первый год старшей школы у Юй Гунвэя родился сын. Отец тайком привозил младенца показать Юй Фаню. Он рыдал в три ручья, жалуясь на то, как тяжело даётся бизнес на чужбине, под каким невероятным давлением он находился и как ему не хватало тепла и поддержки. Мол, Мэй Пин его никогда не понимала, оттого всё так и вышло.

Он настойчиво совал крошечного Юй Чуня старшему брату в руки, призывая умилиться младенцу. Юй Фань же не мог просто выбросить беспомощный пищущий свёрток.

Узнав об этом визите, Мэй Пин устроила грандиозный скандал и наотрез запретила сыну общаться с отцом, но при этом продолжала требовать, чтобы бывший муж оплатил Юй Фаню зарубежную учёбу.

Доходы Юй Гунвэя в бизнесе были нестабильными: то густо, то пусто, но в целом он всё равно оставался куда состоятельнее, чем Мэй Пин с её преподавательским окладом.

Бывшие супруги договорились делить расходы на образование сына: семьдесят процентов оплачивает отец, тридцать — мать, и финансирование должно продолжаться столько, сколько потребуется Юй Фаню.

Отец поначалу согласился, но именно в тот год на его производстве вспыхнул пожар. Убытки оказались колоссальными. Новая жена не работала, маленький ребёнок требовал расходов, долги душили. Он попытался договориться с Мэй Пин платить хотя бы пополам, пообещав вернуть разницу, как только дела пойдут в гору.

Разумеется, Мэй Пин и слушать ничего не пожелала.

В те дни она вещала с высоты своей безупречной морали, распекая бывшего супруга так, что тот не смел поднять глаз.

Всё изменилось в один миг на втором курсе старшей школы, когда Мэй Пин сошлась с профессором юридического факультета из их же университета.

У нового избранника детей не было, и молодожёны тут же задумались о совместном ребёнке.

Мэй Пин преподавала теорию управления и жила на одну зарплату. Не выйди она замуж во второй раз, она бы расшиблась в лепёшку, продала последнее имущество, но выучила бы сына за рубежом.

Однако в новой семье появились другие приоритеты и обязательства.

В конце концов, Мэй Пин прошла классический путь: от осуждения бывшего мужа к его полному пониманию, став в итоге точно такой же, как он.

Юй Фань не винил их. Взрослая жизнь полна компромиссов и тупиков. Он просто решил не усложнять им жизнь — пусть строят своё счастье без оглядки на него.

В конце концов, первые пятнадцать лет его жизни они делали всё, чтобы он ни в чём не

нуждался.

В коридоре общежития стояла удушливая духота — окна здесь явно не открывали целую вечность. На небо медленно наплзали тяжёлые перистые облака, постепенно закрывая палящее солнце.

Длинная тень Янь Тинъюя, лежавшая на полу, растаяла.

— Вот оно как, — едва слышно обронил Янь Тинъюй.

Пять лет назад стояла такая же изнуряющая жара, и в кронах деревьев истошно надрывались цикады.

Мэй Пин выбрала самый ясный, безоблачный день, чтобы приехать в школу и забрать вещи сына.

Плоский серый рюкзак, пустой пенал, ящик парты, забитый чистыми бланками тестов, и наклейки с персонажами компьютерных игр, намертво присохшие к столешнице.

Мэй Пин торопливо сгребала всё в охапку, недовольно бормоча под нос:

— И что это за хлам? Мусор какой-то. Это не нужно, это тоже на выброс.

Янь Тинъюя в тот час вызвал завуч — нужно было подать заявку на участие в олимпиаде по английскому. Когда он вернулся в класс, соседняя парта сияла голой чистотой.

— Его мать приходила, только что ушла, — шепнул кто-то из одноклассников.

Янь Тинъюй, не раздумывая, бросился к выходу, но у самых дверей замер, вернулся и порывисто схватил собственный рюкзак.

Он нагнал Мэй Пин только у школьных ворот. Женщина в туфлях на высоком каблуке стояла у мусорного бака, повесив серый рюкзак Юй Фаня на сгиб локтя, и методично отправляла в утиль всё то, что её сыну больше никогда не пригодится.

Янь Тинъюй сжал кулаки. Сделав глубокий вдох, чтобы унять волнение, он подошёл ближе и негромко спросил:

— Простите, вы мама Юй Фаня?

Молчаливый и замкнутый, он всегда держался особняком, и окружающие первыми искали его внимания. Заговорить с незнакомым человеком самому стоило ему огромных усилий.

Мэй Пин обернулась. Окинув взглядом высокого, опрятного юношу, она вымученно улыбнулась:

— Да, всё верно.

Она прекрасно знала, что её сын — главный лоботряс и возмутитель спокойствия в классе, из-за которого учителя постоянно хватаются за голову. Встретить его примерного одноклассника было неловко.

Янь Тинъюй помедлил, а затем тихо спросил:

— Почему он уходит?

У Мэй Пин дрогнули губы, лицо сделалось напряжённым.

— Он не справляется с программой. Слишком отстал.

Отличный повод, неоспоримый аргумент. То, что Юй Фань учился из рук вон плохо, прогуливал и опаздывал, было общеизвестным фактом.

Мэй Пин надеялась, что дежурный ответ удовлетворит юношу и тот уйдёт.

Но Янь Тинъюй вместо этого резко сбросил с плеча рюкзак, расстегнул молнию и достал из глубин толстую тетрадь.

— Вот конспекты по тестам SAT4, — сказал он, протягивая её женщине.

Мэй Пин растерянно приняла тяжёлую тетрадь, пестревшую разноцветными закладками.

— Ох... это...

Юноша, опустив глаза, вытащил вторую:

— Здесь разбор сложных задач по математике.

— Постой, мальчик... — попыталась вставить слово Мэй Пин.

Но он продолжал доставать тетради одну за другой:

— Мои лекции по мировой политике. Основы экономики. Физика.

Янь Тинъюй не любил пустых разговоров, но сейчас его руки двигались с лихорадочной быстротой. Спустя минуту его рюкзак опустел, а руки Мэй Пин оказались завалены стопкой тщательно оформленных, исписанных аккуратным почерком тетрадей.

Он смотрел на неё немигающим, умоляющим взглядом.

Мэй Пин попыталась тепло улыбнуться, но улыбка вышла жалкой и натянутой.

— Спасибо тебе, конечно, за заботу. Но Фаньфаню это больше не понадобится.

Отказ.

Янь Тинъюй впервые в жизни столкнулся с подобным и совершенно потерялся.

Его пальцы судорожно сжались в кулаки. Преодолевая ком в горле, он выговорил отчётливо, чеканя каждое слово:

— Если он не захочет читать сам, я ему всё объясню. Буду заниматься с ним каждый день.

Мэй Пин поспешно всучила стопку тетрадей обратно юноше и неловко заправила прядь волос за ухо:

— Нет-нет, не стоит. Мы планируем перевести его в обычную школу, там совсем другая программа.

Янь Тинъюй упрямо свёл брови, в его глазах читалось искреннее недоумение:

— Но это бессмысленно. В обычных школах учиться куда сложнее и изнурительнее.

Обычно ученики всеми силами рвались из обычных классов в международные, но никто не возвращался обратно.

Жесточайшая система подготовки к госэкзаменам в обычных школах ломала даже подготовленных ребят, а для ученика из международного класса такая смена обстановки была бы катастрофой. К тому же Юй Фань переходил в выпускной класс, когда всю шло повторение пройденного. Ни один здравомыслящий родитель не обрек бы своего ребёнка на такое.

Лицо Мэй Пин потемнело. Разумеется, это решение было глупым и опрометчивым. Но когда Юй Фань сам вызвался пойти на этот шаг, они с Юй Гунвэем ощутили малодушное облегчение. Облегчение, за которое ей до сих пор было мучительно стыдно.

Раздражение из-за собственной вины выплеснулось наружу, и Мэй Пин отрезала:

— Фаньфань просто сам захотел сменить обстановку. Ему давно нравится Средняя школа Юйлинь, там отличная атмосфера.

Янь Тинъюй стоял на своём:

— Сменить обстановку? Но почему?

Мэй Пин упрямо вскинула подбородок:

— Да потому что здесь ему несладко! Учителя вечно пилят за оценки, одноклассники ворчат, что он слишком шумный. Даже лучший ученик в вашем классе... как его там, на «Янь» фамилия, постоянно затыкает ему рот и общается сквозь зубы.

Мэй Пин, разумеется, умолчала о том, как её сын, заливаясь смехом, рассказывал дома: «Янь Тинъюй — лучший! Он когда злится на мои шутки, так забавно краснеет и только и может выдать: „Замолчи!“ Ха-ха-ха!»

Вся его возня с Янь Тинъюем напоминала шалости мальчишки, который дёргает за косички самую красивую и прилежную девочку в классе.

Заметив, как побледнел парень, Мэй Пин смягчилась и примирительно добавила:

— Я не имею в виду всех ребят. Ты-то как раз к нему добр. Ладно, мне пора.

Словно спасаясь бегством от новых расспросов, она поспешно швырнула остатки вещей из парты в урну и быстро зашагала прочь, стуча каблуками.

Янь Тинъюй остался стоять посреди школьного двора под безжалостными лучами солнца с охапкой своих ненужных конспектов.

Асфальт плавился от полуденного зноя, воздух дрожал. Тело обжигало жаром, а внутри всё сковало ледяной холод.

Юй Фань помахал ладонью перед самым лицом застывшего Янь Тинъюя:

— Эй, очнись. Ты чего так помрачнел? Неужто история моей семьи тебя так расстроила? Да брось, я сам давно на них не в обиде.

Тут глаза Юй Фаня блеснули, и он хитро прищурился:

— Раз уж тебе меня так жалко, может, проявишь чуточку заботы? Давай прямо сейчас и начнём. Например, с вопроса о комнате...

Янь Тинъюй стряхнул наваждение:

— Я проверил комнату. Всё отлично, у тебя на удивление чисто.

Улыбка Юй Фаня сползла с лица:

— А ты не думал о том, что...

— Нет, не думал, — невозмутимо перебил Янь Тинъюй. — Я перевезу часть вещей. Освободи мне половину шкафа — горничная не решилась трогать твою одежду.

Юй Фань лихорадочно соображал несколько секунд, а потом выпалил на одном дыхании первую пришедшую в голову нелепицу:

— На самом деле я лунатик!

Янь Тинъюй молча изогнул бровь.

Юй Фань облизнул губы и изобразил на лице крайнюю степень прискорбия:

— Честное слово! Болезнь зашла очень далеко. По ночам я встаю и брожу по комнате в беспамятстве. Зрелище жуткое. Чего доброго, посреди ночи могу залезть прямо к тебе под одеяло!

"Ну давай же, ты ведь помешан на чистоте и личном пространстве, испугайся и сбеги!" — лихорадочно думал он.

Но Янь Тинъюй лишь слегка приподнял уголки губ, и в его глазах блеснул явный интерес:

— Вот как? Что ж, договорились.

Юй Фань опешил:

— Что?!

"Ты совсем больной?!"

<http://bllate.org/book/20683/2130861>